

Алексей КАЗАКОВ

г. Челябинск

Эту песню поют по всем российским городам и весям: на шумных суетных вокзалах, в ресторанах и домашних застольях, у романтического ночного костра и на студенческих вечеринках...

И всегда в том милом музыкальном наиве слышалась мне, чудилась некая тайна, загадочность простого сюжета.

Откуда это, отчего возникло такое видение:

*Предутренний туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит дорожная звезда...*

И я никогда не предполагал, что есенинские пути-дороги приведут меня когда-нибудь к той песенной тайне-загадке невероятно популярного современного романсера нашего времени. Но то была судьба!

...В этот небольшой уездный городок я приехал летом 1993 года, чтобы увидеть родовое

гнездо известного русского композитора Василия Николаевича Липатова, друга Сергея Есенина, автора романсов на стихи поэта: «Письмо к матери», «Клен ты мой опавший...»

В старинном Раненбурге, как звался тот тихий городок, у истоков которого были Петр I и светлейший князь Меншиков, многое сохранилось. Я нашел домик Липатовых, что стоит неподалеку от живописной речки с поэтическим названием Становая Ряса. Встретил меня внучатый племянник В. Н. Липатова – Михаил Липатов, поэт и композитор, унаследовавший от своих предков весь их многогранный талант. Несколько поколений Липатовых были музыкантами, начиная от певчих в церковном хоре и завершая композиторами: Василием, выпускником Петроградской консерватории, любимым учеником А. К. Глазунова, и Юрием Михайловичем Липатовым (отец Михаила Липатова), чьи песни пользовались большой известностью в нашей

стране в начале 1950-х годов (старшее поколение помнит их: «Клавочка», «Девичья лирическая», «На катке», «В праздничный вечер», «Эх, Черное море» и многие другие). И я помню те незатейливые лирические мелодии по записям на старых пластинках, что играли на патефонах в нашем доме в столь недавние времена...

Многие благодарные сердца отзывались радостно на те любимые песни. Люди жили тогда приветливо и открыто, общая радость многих делала счастливыми.

...Миша Липатов водил меня по Раненбургу, показывал его достопримечательности, рассказывал о знаменитом Василии Липатове и почти забытом композиторе Юрии Липатове, своем отце. Посетили мы и старинное кладбище, где похоронили Юрия Михайловича в 1986 году. Так в неспешных разговорах и прогулках, как-то незаметно, вдруг возникла тема песенного творчества Ю. М. Липатова. Буквально в день моего отъезда из Раненбурга в Липецк Миша неожиданно спросил меня: «А вы знаете, что песню, которую в народе знают как «Сиреневый туман», также сочинил мой отец?..»

Конечно, я этого не знал. Хотя песня та была всегда на слуху. Более того, я как-то и не включился в подтекст этого вопроса (как выяснилось позже, и Миша не знал, толком не понял, какой вопрос он задал, что было заложено в нем...).

Мы еще поговорили о чем-то незначащем, потом, на прощанье, Миша предложил послушать пластинку с записью «Сиреневого тумана» в исполнении Владимира Маркина. Пока звучала песня, я прочитал на конверте: «Сиреневый туман», городской романс на стихи М. Матусовского, автор музыки неизвестен». И дата записи: 1982 год. И небольшое примечание от составителей диска «Трудное детство»: «Окончательно установить имена мастеров дворового жанра XIX – XX столетия не представляется возможным».

Отзвучала песня «дворового жанра»... И опять я как-то не уловил всей значимости происходящего. А Миша тем временем достал бумаги отца, небольшой семейный архив, и показал фотографии разных лет Юрия Михайловича, ноты песен и, наконец, авторскую карточку произведений, официально зарегистрированных в Союзе композиторов в общей картотеке, где среди прочего значилось: «Дорожное танго» («Прощание») – текст и музыка Ю. Липатова». Рядом с этой строкой вписаны авторы текстов на другие песни – Л. Ошанин, М. Светлов. А «Дорож-

ное танго» (и жанр его вписан в авторское свидетельство как «танго», тогда как иные все – «песни») – произведение оригинальное полностью. И Матусовский тут был ни при чем, ему хватает и своей песенной славы, по справедливости. У него и стиль письма иной. Другое дело, что липатовское «Дорожное танго», уйдя в народ, претерпело текстовые и мелодические изменения – это определено. И ноты были написаны для баяна, а первым записал танго в первоизданном виде на Всесоюзном радио в начале 1950-х годов знаменитый Владимир Бунчиков. Где-то в архивах радио должна быть та запись...

Однако известные хрущевские гонения и запреты не миновали и «Дорожное танго» – мотивировалось это тем, что оно напоминало «слащавые песенки Вертинского». Так в конце 50-х годов и отзвучало липатовское «Прощание»...

После всего услышанного и увиденного мне захотелось еще раз послушать песню, чтобы сравнить ее звучание с оригиналом по тексту и нотам. Пластинка зазвучала. И вдруг в горнице с печи раздался голос 92-летней бабушки, матери Юрия Липатова – Евдокии Степановны: «Это Юрина песня-то!» С трудом сойдя с полатей русской печи, старушка вначале слушала вместе с нами пластинку, а потом произнесла задумчиво, как бы про себя: «Это он про Нинку Глухову написал, когда после войны встречался с ней...»

Невольно поддавшись общему настроению и ощущая какую-то недосказанность этой истории, я попросил Евдокию Степановну рассказать подробнее обо всем. И она рассказала, что было ей известно: об увлечении сына, о его долгих встречах и проходах любимой им Нины, которая жила на соседней станции Астапово, верстах в 40 от Раненбурга, и куда можно было добраться лишь единственным ночным проходящим поездом «Смоленск – Мичуринск»...

О многом поговорил я тогда с единственным живым свидетелем той загадочной истории. Юрий Михайлович был, судя по всему, человеком увлекающимся, но драматичный рассказ бабушки прозвучал полным открытием для Миши и его матери Нины Николаевны, жены композитора (позднее она высказала мне свое неудовольствие тем, что я воссоздал всю эту романтическую давнюю историю, найдя Нину Глухову, «мою соперницу», как выразилась Нина Липатова)...

А началась эта песенная новелла в разгар

войны – в 1942 году. В захолустном Раненбурге был организован фронтовой театр во главе с эвакуированной сюда Варварой Маслюченко, женой известного украинского писателя Остапа Вишни. В штат театра приняли и юного способного 18-летнего Юрия Липатова, играющего на баяне свои песенки. Один из первых своих спектаклей театр показал на соседней с Раненбургом станции Астапово, в Доме культуры железнодорожников. Еще со сцены Юрий заметил в зале девушку редкой красоты и обаяния. В антракте он, как был в театральном костюме, в приподнятом от успеха настроении подошел к ней, смутив ее невероятно... Десятки взглядов знакомых устремились на них, как бы в продолжение театрального действия. Ночью он возвращался в Раненбург, и с того вечера начались их станционные встречи-расставания. «Я восхищен вами, Нина! Ждите меня – я скоро вернусь к вам!..» – прокричал Юрий из проема вагонной теплушки оставшейся на перроне девушке, своему будущему «милому другу».

Ее звали Нина Глухова, было ей 17 лет, она оказалась дочерью станционного смотрителя и внучкой столбового дворянина, о чем в ту пору приходилось умалчивать.

Их романтические отношения, согретые теплом большого первого чувства, длились пять лет, отвергая житейские неурядицы военного лихолетья и преодолевая десятки верст разъединяющего расстояния. Они прошли вместе через холод войны, и казалось, можно будет соединить свои судьбы и сердца...

Театр расформируют, Юрий становится художественным руководителем Раненбургской колонии для малолетних преступниц. Среди его «трудных» воспитанниц были и музыкально одаренные девушки. Это они первыми исполняли песни молодого композитора-воспитателя. В те же годы Юрий Липатов общается со своим знаменитым родственником Василием Липатовым, который несколько раз приезжал в родной городок из Ленинграда. Начинаящий композитор все больше отдается творчеству, занимаясь композицией, некоторые его произведения приобретают необычайную популярность в стране, издаются отдельные клавиры песен.

1946 год стал переломным в отношениях Юрия с Ниной Глуховой, в августе того года произошла драма внезапного прощания юных влюбленных на старом Раненбургском вокзале: Нина ответила отказом на предложение Юрия быть вместе...

Для него это было, конечно, душевным потрясением.

...В прохладе августовской ночи перекликались паровозные свистки, оттеняя реальность прозвучавших несправедливых обидно-горьких слов, ненужных теперь упреков...

В заветном привокзальном садике, где некогда они любили коротать время до ночного проходящего поезда, грустно осыпалась листва с придорожного березняка; под звездными крыльями ночной мглы уходящего лета уходила безвозвратно любовь... И звезды рушились вбок, стремительно исчезая во мраке, и мучительно не хватало чего-то простого, главного, единственного в их отношениях, когда они теряли друг друга. Он еще мог крикнуть, прервать роковое прощание, но... не крикнул, гордость не позволила. Она могла сказать: «Прости» – и не сказала...

И еще один – пронзительный – звонок не спасал положения своим тревожным звуком, и зря знакомый кондуктор медлил до предела – все было напрасно. Поезд, шедший мимо Раненбурга на запад, унес Нину действительно навсегда от ее невозможного счастья...

И звезда, горящая прямо над тамбуром, сияла прощальным холодным светом, и предутренний туман, смешанный с горьким паровозным дымом, проплывал над лесом. Все обрело очертания романтической легенды, рассеивая житейскую явь, – поезд «Мичуринск – Смоленск» с железным неумолимым грохотом мчался – улетал в сиреневую песенную даль...

Юрий стоял и сквозь слезы безмолвно смотрел на исчезающие мерцающие огни последнего вагона и... вдруг увидел бегущую к нему мать.

«Я подбежала к нему и сказала: «Юра, пойдем домой! Ты не в себе, я боюсь за тебя», – рассказывала спустя почти полвека Евдокия Степановна Липатова. – А он ответил мне: «Ты что же думаешь, что я под поезд брошусь? Нет!.. Пойду к себе, в дом культуры, поработаю...»

За стареньким пианино, в ночной тиши родилась вдруг песня потрясенной души, через короткое время облетевшая всю страну, тронувшая сердца послевоенного поколения. Вот ее первоначальный подлинный текст, авторский, лишенный флера позднейшего «сиреневого тумана»:

Дорожное танго (Прощание)

*Ты смотришь на меня и руку пожимаешь,
Когда увижу вновь? Быть может, через год...
А может быть, меня совсем (навек)*

ты покидаешь...

Еще один звонок, и поезд отойдет.

*Предутренний туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит дорожная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с милым другом я прощаюсь навсегда!*

*Запомню навсегда, что ты тогда сказала,
Улыбку милых губ, ресниц твоих полет.
Еще один звонок... И смолкнет шум вокзала,
Еще один звонок – и поезд отойдет.*

*Предутренний туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит дорожная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с милым другом я прощаюсь навсегда!*

Липатовская песенная история поразила меня! Конечно, хотелось узнать о дальнейшей судьбе Нины Глуховой. Но... этого никто в Раненбурге не знал. Последний раз ее видели там в начале 60-х годов. Ничего не сохранилось и в бумагах Юрия Михайловича. Тогда я предпринял отчаянную попытку отыскать ее следы через местных железнодорожников, то есть выйти на Нину через отца-смотрителя. Поговорил с местными диспетчерами, молодыми женщинами, кратко объяснил суть дела и уехал в Липецк ждать звонка. И чудо свершилось, хотя и наполовину. Спустя несколько дней мне сообщили с Раненбургского вокзала, что на станции Астапово проживает похожая женщина, но адрес точный неизвестен. Бросив все, я выехал на перекладных в Астапово. Поиск был простой и одновременно сложный: я шел по улице и спрашивал каждого второго о своей героине. Наконец какой-то подвыпивший мужичок, вблизи станционного буфета, направил меня: «А, Нинка Глухова, вон крыша ее дома...»

Волнуясь и не веря до конца в удачу, я вошел в калитку небольшого частного домика. Во дворе сидела пожилая женщина, один взгляд на которую говорил о былой красоте и благородном происхождении, несмотря на годы. Спрашиваю: «Мне нужна Нина...» – остановился, потому

как не знал отчества. – «Александровна», – подсказала женщина, глядя на меня с удивлением. – «Вы-то мне и нужны», – говорю ей. Прошли в дом. Я рассказал Нине Александровне, что с недавних пор ищу ее, так как интересуюсь творчеством Юрия Липатова, музыканта и композитора. Услышав это имя, она вздрогнула и с большим интересом посмотрела на меня...

Мы беседовали несколько часов, и за это время мне довелось услышать даже не рассказ, а скорее исповедь одинокой души со слезами на глазах. Многое ей вспомнилось в том разговоре: первая встреча, обещания, надежды и... разлука на ночном Раненбургском вокзале. Всю жизнь она жалела о том своем опрометчивом решении. И еще много лет посылала Юрию Михайловичу безответные открытки-поздравления к разным праздникам, не зная даже, что его уже нет в живых. Я оказался первым, кто сообщил ей об этом.

Но... даже спустя 20 лет, когда в начале 60-х годов они случайно встретились в Раненбурге на улице и Юрий Михайлович вновь (!) предложил ей быть вместе, она снова отказала ему. Добавлю, что к тому времени у него было пятеро детей, а у нее единственный сын. Всю жизнь Нина каялась, понимая, какого человека потеряла! Но что-то всегда сдерживало ее – сие есть тайна великая. Мне она не открылась.

В разговоре я спросил о песне «Сиреневый туман», упомянул как бы невзначай. Она живо откликнулась, посетовав, что вот, жаль, по радио ту песню редко передают. Тогда-то и пришлось открыться окончательно: «Вы ведь и есть та самая девушка, которой посвящена эта песня. А автор – ваш вечный друг Юрий Липатов...»

Боже мой, как она была потрясена, изумлена...

Больших трудов стоило успокоить ее, юную Нину Глухову из далекого незабываемого 1946 года...

Видно, не закатилась, не отгорела своим лирическим светом для нее «дорожная звезда» минувшей любви...

В тот же день я вернулся в Раненбург и все рассказал Мише Липатову, только ему. Нине Николаевне не решился. Позже он сам передал ей наш разговор.

На следующий день, уже на вокзале, том самом, Миша отвел меня в сторону и сказал: «Ночью я написал стихи под впечатлением вчерашнего разговора в саду. Послушайте...» И он, смущаясь, прочел:

Да, вот и жизнь прошла...
 Судьба их не связала.
 А тот прощальный миг
 Не в силах был забыть!
 И каждый год он ждал
 У старого вокзала
 Ту, что сам Бог сулил
 Навеки полюбить...
 Но есть и светлый луч
 В истории печальной.
 Ведь был музыкант
 С поэзией в крови,
 И песню он сложил –
 Как памятник прощальный
 Предутренней звезде,
 Единственной любви!

Меня и сейчас пробирает душевная дрожь, когда я читаю эти строки и слушаю, в который раз, липатовское «Прощанье». Оно как лирический ток большой эмоциональной силы...

В ответ я попросил Мишу обязательно съездить к Нине Александровне. Уже вслед уходящему поезду он еще раз прокричал: «Я поеду к ней... Обещаю!»

...Недавно мне попала на глаза небольшая заметка о том, что отменено движение пассажирского поезда «Смоленск – Мичуринск» «в связи с экономическими трудностями на железной дороге». Это газетное сообщение – знак нашего смутного жестокого времени. Од-

на отрада душе – невозможно никогда остановить движение любви человеческой, затмить теплый свет близкой «дорожной звезды», у каждого она своя...

Успел, успел донести, домчать тот шумный послевоенный поезд свою песню любви до многих, кто жил и радовался рядом, в 50-е годы. И – насквозь – сквозь временной туман промчался до наших дней.

Счастлив тот, чья судьба совпала с лирическим движением того поезда...

Раненбург – Челябинск

□

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

